

Н. Н. Макарова

**Практики выживания магнитогорцев
в условиях форсированной индустриализации (1929–1935 гг.)**

Повседневный быт горожан эпохи форсированной индустриализации конца 20-х – первой половины 30-х годов XX в. был осложнен многими факторами. Из них наиболее острым и всеобщим была чрезвычайно сложная ситуация со снабжением. Страна испытывала острый дефицит основных продуктов питания и других товаров первой необходимости. Карточная система в СССР была введена 14 февраля 1929 г. Просуществовала она до начала 1935 г., а на промышленные товары – до 1936 г. В Магнитогорске проблемы снабжения населения стояли чрезвычайно остро. Причины неудовлетворительного обеспечения горожан заключались не только в характерном для всего Советского Союза дефиците товаров широкого потребления и продуктов питания, но и в специфической для новых индустриальных центров обстановке сформировавшейся в городе. Общая неустроенность быта, постоянное движение рабочей силы, несоответствие товарных фондов, выделяемых Наркомснабом, Центросюзом, Уралоблсоюзом для Магнитостроя контингенту жителей города, наконец, отсутствие плановости в завозе товаров и постоянного месячного запаса качественных продуктов на складах – все это существенно осложняло жизнь магнитогорцев.

Исходя из историко-антропологического подхода, наиболее важно изучить исторические реалии с точки зрения рядового человека в рамках его практического опыта. В этом ключе систему снабжения магнитогорцев наиболее целесообразно рассматривать сквозь призму мнений горожан, их оценок по прошествии длительного периода времени. Подобный подход позволяет представить условия существования магнитогорцев и повседневные практики в рамках удовлетворения ими одной из важнейших потребностей человека – потребности в товарах первой необходимости. Обращение к периоду – 1929–1935 гг., объясняется тем, что именно в эти годы зародились и дали о себе знать тенденции, которым суждено было определять основные характеристики последующих этапов развития города. Решение об отмене карточной системы было принято на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1934 г. Реализация постановления началась 1 января 1935 г. Отмена карточек изменила повседневную жизнь населения города. Магнитогорцы получили возможность

подумать о себе, своей семье и товарищах. Свободная продажа хлеба позволила горожанам забыть о недавнем голоде. В целом, к началу 1935 г. в Магнитогорске сложилась инфраструктура, обеспечивающая полноценную жизнедеятельность горожан¹. 1935 г. стал для магнитогорцев временем серьезных изменений в повседневной жизни, что отчасти соответствовало установкам официальной пропаганды². Таким образом, именно период 1929–1935 гг. являлся временем организации основ жизнеобеспечения крупного индустриального центра и специфического повседневного существования магнитогорцев³.

Источниковая база исследования разнообразна. Она включает делопроизводственную документацию, статистические данные, периодическую печать и источники личного происхождения, среди которых воспоминания, письма и интервью. Наиболее ценными среди источников являются отчеты секретно-политического отдела НКВД о «О настроениях среди рабочих», которые составлялись по данным агентурных донесений, а также отчеты РКИ и разнообразных комиссий по проверке снабжения, качества питания, работы магазинов, столовых и свидетельства очевидцев. При исследовании проблем повседневности одним из наиболее репрезентативных источников являются свидетельства очевидцев. Нами была составлена примерная опросная анкета и проведены интервью 13 старожилов города Магнитогорска и респондентов пожилого возраста⁴, рассказывавших о повседневной жизни магнитогорцев, опираясь на рассказы своих родителей и собственные детские воспоминания.

Изучение практик выживания магнитогорцев предполагает обращение к огромному пласту исследовательской литературы. Для отечественной историографии интерес к истории повседневности является сравнительно новым веянием. Исследовательская литература⁵, посвященная истории российских городов, довольно разнообразна. Исследователи работали над изучением социально-экономической истории, истории культуры, вопросов быта, городовед-

¹ См.: *Макарова Н. Н.* Повседневная жизнь Магнитогорска в экстремальных условиях (1929–1935) // *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции.* Челябинск, 2009. С. 297–304.

² См.: *Добренко Е.* Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое // *Неприкосновенный запас.* 2009. № 2. С. 78.

³ Естественно, что проблемы и трудности в повседневной жизни горожан не исчезли моментально, однако повседневность магнитогорцев до и после 1935 г. была различной.

⁴ В интервью участвовали респонденты в возрасте от 62 лет (они рассказывали о жизни в Магнитогорске в 1930-е гг. со слов своих родителей) до 85 лет (непосредственные участники событий 1930-х гг.).

⁵ *Бунин А. В.* История градостроительного искусства. М., 1953; *Груза И.* Теория города. М., 1972; *Милютин Н.* Социалистический город. Л.-М., 1930; *Сабсович Л.* Город будущего и организация социалистического быта. М., 1929; *Архитектура* Советской России. М., 1975; *Бархин М. Г.* Архитектура и город. М., 1979; *Кириллов В. В.* Путь поиска и эксперимента. Из истории архитектуры 20–30-х гг. М., 1974; *Градов Г. А.* Город и быт. М., 1968.

ческой тематики, проблем жилья и градостроительства – тех вопросов, которые стали вполне традиционными для истории повседневности. Таким образом, несмотря на отсутствие в 1930-е – 1970-е годы такого научного направления, как «история повседневности»¹, ученые занимались изучением всего спектра проблем последней и внесли вклад в становление научного направления. В последнее время проблема городоведческих исследований в России популярна и дискуссионна. Свидетельством распространения данной тенденции является появление сборников статей и монографий о повседневности российских городов. Внимание исследователей обращено на разные этапы исторического развития города, но особенно много трудов посвящено периоду 1920-х – 1930-х годов².

Изучение вопросов питания магнитогорцев предполагает обращение к историческим работам о продовольственном и промтоварном снабжении горожан в 1930-е гг., о торговле, распределении и потреблении. Данная проблематика активно разрабатывалась на общероссийском уровне еще в первые годы советской власти³. Авторы пытались, прежде всего, обосновать необходимость введения карточной системы и временность данной меры, рассматривали способы контроля над частным сектором. В 1990-е гг. появляются исследования, изучающие систему снабжения сквозь призму повседневной жизни населения и влияния механизмов централизованного распределения на горожан. Наиболее фундаментальными трудами по советской торговле и продовольственному распределению периода 1920-х – 1930-х годов являются исследования Е. А. Осокиной⁴. Автор считает, что люди становились жертвами централизованной распределительной экономики. Товарный дефицит порождал низкий уровень жизни и своеобразную психологию выживания⁵. Близкой точки зрения придерживается А. И. Черных. Анализируя материалы бюджетных обследований советских граждан, автор сделал вывод о том, что период 1926–1928 гг. был наилучшим с точки зрения матери-

¹ «История повседневности» как научное направление возникло в 60-е гг. XX в., однако в России данное направление стало известно только в конце 1980-х гг.

² *Ногина Е. В.* Повседневная жизнь горожан в 1920-е годы на Ставрополье // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2002. С. 114–117; *Повседневность* российской провинции: история, язык и пространство. Казань, 2002; *Тяжельникова В. С.* Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х гг. // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. М., 2002. С. 194–219; *Горин М. М.* Советская история 1920 – 1930-х гг.: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 239–278.

³ *Болотин З. С.* Без карточек. М., 1935; *Булгаков В.* Советская торговля на новом этапе. М., Л., 1932.

⁴ *Осокина Е. А.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; *Она же.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1997.

⁵ *Осокина Е. А.* Предпринимательство и рынок в период «свободной торговли» // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 151.

ального благосостояния населения СССР. К заключению о том, что жизнь городского населения СССР в конце 1930-х гг. приблизилась к уровню 1928 г., но не достигла дореволюционного, пришел Н. Р. Коровин¹. Его вывод разделяет С. П. Стеблев. Последний также отмечает, что уровень материального благосостояния граждан СССР к концу 1930-х гг. значительно вырос².

Особо хотелось бы отметить работу американского историка С. Коткина, которая переведена на русский язык фрагментарно. Автор поднимает обширный спектр проблем, среди которых вопросы жилищного дефицита, преступности, методы перевоспитания заключенных. Но наиболее детально С. Коткин анализирует взаимоотношения рынка и плановой экономики в Магнитогорске. По мнению автора, экономическая жизнь города представляла собой переплетение легальной и теневой деятельности. Главной причиной существования «черного рынка» в Магнитогорске являлся товарный дефицит – таков основной вывод исследователя в изучении проблемы снабжения горожан. Богатый региональный материал о деятельности черного рынка позволил показать его специфику – паразитизм, спекулятивный характер, огромные размеры воровства, относительность понятий законного и незаконного. Главной причиной развития спекуляции автор считал искусственно заниженные цены в системе государственной торговли. С. Коткин использует даже термин «сплав» для характеристики деятельности легального и нелегального рынка и называет Магнитогорск обществом «без первого этажа», имея в виду отсутствие государственной инфраструктуры и достаточного производства товаров народного потребления. Эту свободную нишу заполнила активность горожан. Последние участвовали в торговых операциях, пусть даже и нелегальных. Именно это и позволяло поддерживать, по мнению С. Коткина, относительную стабильность в сфере снабжения горожан³. В целом С. Коткин показал, что советское общество 1930-х гг. функционировало как система взаимоотношений, как динамичная сеть социальных контактов, как «пейзаж возможностей», в котором горожане действовали конформистски⁴.

Действительно, магнитогорцам приходилось вырабатывать особые практики выживания. Исследуя повседневную жизнь Урала в 1917–1922 гг., И. В. Нарский отметил существование взаимосвязи между техниками выживания людей в годы гражданской войны и в 1930-е гг.⁵ Естественно, прямой мой аналогии между формами приспособления горожан в данные эпохи про-

¹ Коровин Н. Р. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки // Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1992.

² Стеблев Э. А. Экономика российской повседневности // Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб, 1998.

³ Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as civilization. Berkley, 1994. P. 279.

⁴ Лин Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 75.

⁵ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 562.

водить нельзя, но важно отметить, что в годы гражданской войны и в эпоху сталинской модернизации горожане вырабатывали особые стратегии выживания. Магнитогорск создавался форсированными темпами, что наложило отпечаток на повседневные практики выживания горожан. Жизненный уровень населения, срывы продовольственного снабжения, крайне неблагоприятные жилищные условия, широкое распространение инфекционных заболеваний негативно сказывались на жизни горожан. По воспоминаниям магнитогорцев, первые пять лет существования города были самыми тяжелыми: «Сколько помню себя, жизни легкой не было, но тогда, как мы только перебрались в город, было тяжелее всего»¹. В подобных жизненных условиях у горожан возникали разнообразные стратегии выживания: заискивание перед властью, в частности, попытка «сделать» карьеру, экономия ресурсов, торговые и меновые операции, огородничество, наконец, применение противозаконных практик.

Среди легальных способов приспособления населения к сложным жизненным условиям в Магнитогорске лидирующее положение занимали режим жесткой экономии, торговля личным имуществом и огородничество. Значительная доля магнитогорцев вынуждены были экономить или крайне рационально использовать имеющиеся в наличие ресурсы (продукты питания, одежда, ткани, домашняя утварь и т. д.). В условиях тотального дефицита важно было не только получить продукты и прочие товары первой необходимости, но и максимально экономно их расходовать, учитывая, что «завтра» можно лишиться по какой-то причине своего законного обеда. Магнитогорцам пришлось забыть прежние стандарты потребления², отказаться от многих бытовых привычек, включая представления об уюте жилья, манерах поведения, моде, гастрономических пристрастиях³. Магнитогорцам

¹ Воспоминания А. И. Чесноковой 1924 г.р., записано автором в 2008 г.

² В данном случае под прежними стандартами потребления мы понимаем возможности самостоятельного приготовления пищи, в соответствии с вкусовыми пристрастиями конкретной семьи; возможность приема пищи в определенное время (не привязанное к обеденному перерыву на предприятиях); употребление в пищу свежих продуктов. В условиях Магнитостроя эти практики подверглись существенной трансформации. Практически никто из магнитогорцев не имел возможности готовить пищу самостоятельно; горожане питались в столовых, качество пищи в которых было неудовлетворительным; часто магнитогорцам в распределителях, раздатках или магазинах выдавали порченные продукты питания.

³ Население Магнитогорска было крайне пестрым по возрастному, этническому, социальному составу. Значительную долю составляли недавние крестьяне. [Подробнее об этом см.: Макарова Н. Н. Механизмы формирования населения нового города в условиях форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска) // Уральский исторический вестник. 2011. № 1]. Однако каким бы низким уровень жизни не был, не зависимо от степени культурности каждая категория населения пережила кардинальные изменения в повседневной, обыденной жизни. В частности, представителям тюркских народов пришлось отказаться от ведения традиционного хозяйства, приготовления национальной пищи и ношения

приходилось планировать свои расходы на питание. Бюджетные обследования рабочих ММК и материалы ИФЗ демонстрируют тенденцию планирования в расходовании средств на текущий месяц¹.

В связи с дефицитом продуктов питания и товаров широкого потребления в местных газетах публиковались специальные статьи-советы по организации и экономному ведению домашнего хозяйства². Магнитогорцам рекомендовали не тратить напрасно питьевую воду, не выбрасывать хлебные крошки, порченный картофель аккуратно обрезать. Магнитогорцы, следуя не советам газетных публикаций, а необходимости выживать, кормить детей и себя, практически не выбрасывали продукты питания, использовали все вплоть до субпродуктов и некачественных товаров. Жительница Магнитогорска О. В. Быстрова вспоминала о том, как ее мать приносила домой из столовой «хлебные крошки, остатки еды, которые она соскребала с тарелок»³. А. И. Чеснокова также рассказывает о том, что она с сестрой из школы приносила остатки еды для своей матери⁴. Горожане использовали в пищу мороженный картофель, картофельные очистки, лебеду, которая в изобилии росла летом вблизи от города. Чтобы компенсировать нехватку мясных продуктов и белков, магнитогорцы занимались рыболовством⁵. В 1930-е гг. объемы рыбной ловли были довольно существенными⁶. К тому же местные власти поощряли ручной способ рыбной ловли.

Состояние торговой сети в городе в период с 1929 по 1935 гг. постепенно улучшалось. Это было связано как со сменой снабжающих и торгующих организаций, так и с ростом торговой сети, улучшением качества обслуживания и т. п. С 1929 по 1932 гг. снабжением горожан и организацией общественного питания занимался Центральный рабочий кооператив (ЦРК), который в связи с резким увеличением численности населения Магнитогорска не справлялся со своими задачами. Поэтому уже в 1930 г. в городе начали работу колхозные базары, спрос на продукты которых всегда оставался высоким. 10 июня 1931 г. поселок Магнитный был переименован в город Маг-

традиционной одежды [Апробация выводов прошла в рамках работы международной летней школы франко-российского центра «Многоликий Волго-Уральский регион: этнические и конфессиональные группы современной России» в г. Уфа. 16–19 июля 2011 г.]. Большинство выходцев из деревни, имевших небольшие, но индивидуальные дома, вынуждены были приспособляться к проживанию в бараках на 100–200 чел.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 300–309; и др.

² Основной лозунг газетных статей звучал следующим образом «Правильно расходовать свой бюджет и время – значит культурно жить и производительно работать». См.: Магнитогорский комсомолец. 1932. 14 ноября.

³ Воспоминания О. В. Быстровой 1927 г. р., записано автором в 2008 г.

⁴ Воспоминания А. И. Чесноковой 1924 г. р., записано автором в 2008 г.

⁵ *Магнитогорский рабочий*. 1934. 9 мая.

⁶ *МУ Магнитогорский «Городской архив»* (далее – МУ МГА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 254. Л. 45; Д. 255. Л. 56.

нитогорск. Изменение статуса населенного пункта дало основание для организации в городе предприятий государственной торговли. Несмотря на постоянное увеличение сети магазинов, потребности растущего города не были удовлетворены. Четвертого декабря 1932 г. СНК РСФСР принял постановление об улучшении снабжения строителей Магнитогорска, в соответствии с которым было организовано Управление рабочего снабжения (УРС). Все торговые объекты, находившиеся в черте города и в ведении ЦРК, передавались УРСу, который более успешно и интенсивно решал вопросы снабжения горожан.

«Иерархия» снабжения была сложной. В СССР с 1931 г. существовало четыре списка снабжения: особый, первый, второй и третий. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки. Именно они действовали в Магнитогорске – новом индустриальном центре Урала. Рабочие по этим спискам должны были получать из фондов централизованного снабжения хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца в первую очередь и по увеличенным нормам (в первом списке, наряду с военными, числились работники ОГПУ и милиции). Однако это не означало, что все магнитогорцы именно таким образом и в соответствии с этими нормами получали продукты. Внутри каждого списка существовали особые стандарты снабжения, зависевшие от производственного статуса людей¹. Высшую категорию представляли индустриальные рабочие (группа «А»). К их числу относились рабочие завода и транспорта. Нормы остальных рабочих и лиц физического труда, не занятых в работе металлургического завода, представляли вторую категорию снабжения (группа «Б»). По списку группы «Б» снабжались также рабочие в учреждениях здравоохранения, торговли, персональные пенсионеры, старые большевики. Третью группу в каждом списке представляли служащие, члены семей рабочих и служащих, обычные пенсионеры, инвалиды. Дети составляли отдельную группу, нормы снабжения в которой также зависели от места работы родителей.

Существовало также спецснабжение, распространявшееся на высших номенклатурных работников и иностранцев. Высший уровень государственного снабжения представляли распределители руководящих работников центральных учреждений, которым выдавали паек с литерой «А»². Следующим в иерархии спецснабжения стояли распределители ответственных работников центральных учреждений, которым выдавали паек с лите-

¹ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 90.

² Паек получали секретари ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, председатели и их заместители ЦИК СССР и РСФСР, СНК СССР и РСФСР, ВЦСПС, Центросоюза, Госплана СССР и РСФСР, Госбанка, наркомы и их заместители союзного и республиканского уровней, а также семьи всех перечисленных категорий.

рой «Б»¹. Официальные документальные подтверждения о существовании либо об отсутствии подобных привилегий на более низких уровнях, по словам Е. А. Осокиной, отсутствуют. Но практика показывает, что система привилегий получила распространение даже на городском уровне. Несмотря на сложные материально-бытовые условия, руководство Магнитостроя, металлургического завода, а также руководители крупных подразделений в городе никогда не голодали, одевались добротнее основной массы населения и проживали, в более комфортабельных условиях. Судя по письмам начальника планового отдела Магнитостроя Б. Г. Козелева, «командиры» строительства обедали в специализированной столовой². Так, в столовой поселка «Березки»³ обед из трех блюд стоил 1 руб 30 коп⁴. Обычный завтрак состоял из яиц, кофе на цельном молоке, мясного горячего блюда и горки хлеба⁵.

Для сравнения приведем следующие данные о снабжении в 1932 г. рабочих Магнитостроя. В продовольственной карточке монтажника, рассчитанной на один месяц, значились следующие продукты: 30 кг. хлеба, 3 кг. мяса, 1 кг. сахара, 15 литров молока, 0,5 кг. масла, 2 кг. крупы, картофель – по мере доставки. Но, по словам американского рабочего Джона Скотта⁶, «монтажники в течение зимы 1932–1933 гг. не видели ни мяса, ни масла и почти не видели сахара и молока. Им выдавали только хлеб и немного крупы. В магазине, к которому они были прикреплены, они могли купить не по карточкам духи, табак, «кофе» (суррогат), а иногда мыло, соль, чай и леденцы. Однако этих товаров почти никогда не было в продаже...»⁷. Чтобы лучше представить систему снабжения магнитогорцев приведем нормы обеспечения горожан зимой 1934 г. мукой для самостоятельной выпечки хлеба. Официально все рабочие в Магнитогорске относились к особому и первому спискам, но нормы получения муки были разными: основная масса рабочих получала по 14,9 кг. муки, прочие трудящиеся – 7,4 кг; рабочие горячих и вредных цехов – 18,6 кг. в месяц⁸. Этим дифференциация в снабжении не

¹ Паек получали сотрудники ЦК ВКП(б), ВЛКСМ, ЦМК СССР и РСФСР, СНК СССР и РСФСР, ВЦСПС, союзных и российских наркоматов, Центросоюза, Госплана СССР и РСФСР, Госбанка, Прокуратуры. Подробнее см.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»... С. 100–102.

² *МУ Музей «Истории Магнитостроя»*. Инв. № 1218. Л. 2.

³ Поселок «Березки» был выстроен специально для руководителей города, комбината и иностранных специалистов.

⁴ *Баканов В. П.* Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2000. С. 78.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 334. Л. 10, 29.

⁶ Скотт Джон – уроженец штата Филадельфия США, не окончив обучение в Экспериментальном Колледже прибыл в Магнитогорск в 1933 г. и прожил здесь до конца 1937 г. Именно эти годы Скотт описывает в своих мемуарах, получивших название «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали».

⁷ *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., Свердловск, 1991. С. 97.

⁸ *Государственный архив Свердловской области* (далее – ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 609. Л. 2.

ограничивалась. В декабре 1932 г. по решению Политбюро была выделена особая группа крупнейших предприятий¹. Теперь администрация завода выдавала карточки и устанавливала нормы снабжения в пределах, указанных Наркомснабом. В результате в Магнитогорске возникли новые категории снабжаемых: рабочие – ударники и рабочие – неударники, служащие – ударники и служащие – неударники, ударники производственных цехов и ударники непромышленных цехов, ударники производства первоочередного значения и второстепенного². В целом советская торговля была направлена «к приведению распределения продуктов в соответствие с тем положением, которое занимает потребитель с точки зрения социалистической индустриализации...»³.

Магнитогорцы снабжались в соответствии со своим социальным статусом. В зависимости от последнего каждый горожанин получал особый тип заборных документов: продуктовые и промтоварные карточки, общие обеденные, карточки ударников, единовременные талоны (выдавались командированным в Магнитогорск) и карточки иждивенцев. Нормирование продуктов зависело от категории предъявляемой карточки. Среди существовавших типов заборных документов только карточка ударника, введенная в Магнитогорске в феврале 1931 г., давала право первоочередного преимущественного обслуживания не только в магазинах ЦРК, а позднее УРСа, но и во всех культурно-бытовых организациях города, в сетях предприятий государственной торговли и нарпита⁴. Стоит отметить, что на законодательном уровне система льгот и привилегий ударникам была введена постановлением ЦИК и СНК от 15 декабря 1930 г.⁵ Первоначально эта карточка выдавалась рабочим и инженерно-техническому персоналу, выполнявшим и перевыполнявшим свои производственные задания. С мая 1931 г. карточки ударников стали получать счетные работники производства, перевыполнявшие план, а с 1 октября 1931 г. – работники просвещения. Кроме перечисленных льгот, для ударников имелась серия дополнительных привилегий. Нормы отпуска продуктов для ударников также были выше, им выдавали дополнительные пайки и продукты: яйца – 10 шт., сыр – 250 г., папиросы – 100 шт., колбаса – 400 г., консервы – 2 банки в месяц⁶. Остальные категории населения имели право отоваривать свои карточки и приобретать продовольственные товары по

¹ *Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 г. «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы»* // Правда. 1932. 5 декабря.

² Значение объекта определялось прежде всего степенью необходимости введения объекта в эксплуатацию. Первоначально к таким объектам относились плотина, электростанция, затем домны.

³ *Советская торговля* на новом этапе. М.; Л., 1932. С. 28.

⁴ МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 1. Л. 73.

⁵ *Журавлев С. В., Мухин С. Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928–1938. М., 2004. С. 115.

⁶ МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 1. Л. 73.

коммерческим ценам в порядке общей очереди. Ордера на промышленные товары также распределялись в соответствии с системой привилегий и льгот. До 75 % общего количества карточек на остро дефицитные товары (обувь, одежда) выдавались ударникам, оставшиеся 25 % распределялись, в первую очередь, среди рабочих, добровольно закрепившихся на строительстве.

Дефицит продуктов питания, обуви и одежды в городе порождал необходимость выменивать или продавать вещи. На рынке постоянно выменивали одежду, обувь, ткани. Власти оценивали подобные действия как спекуляцию. Для населения города меновые операции порой являлись единственным источником выживания. Поэтому продажа или обмен личных вещей на городских базарах стали в Магнитогорске распространенной стратегией выживания. Следует отметить, что спекулятивные действия совершали все категории горожан – от квалифицированных рабочих до спецпереселенцев. В некоторых случаях данный способ становился единственно возможным. Так, когда в семье Тютеевых произошло горе – кража продовольственных карточек, малолетняя А. И. Чеснокова со старшей сестрой торговала на рынке конфетами, полученными их отцом в качестве премии за ударный труд: «Папа был ударником и ему давали конфеты и печенья как премию. Но мы конфеты почему-то не ели, они у нас скопились. Целый ящичек. Тогда мы с Леной решили их продавать на базаре. Хотя это опасно было – спекуляция! Мы брали у мамы с полкило конфет (они были карамельные в шоколаде, без оберток), заворачивали их в тряпочку. Лена стояла с ними где-нибудь в стороне, а я брала у нее 5–6 конфет гуляла по рынку и продавала по 1 рублю за штуку. Продам деньги отнесу Лене, возьму конфет и иду продавать. Я маленькая еще, потому именно я и продавала конфеты»¹. В соответствии с советским законодательством действия сестер Тютеевых квалифицировались как незаконная торговля и спекуляция², но сложные условия жизни заставляли действовать незаконно не только их. Меновые операции на городском базаре были массовым явлением³. Магнитогорцы отдавали золотые украшения, серебряные ложки, теплую одежду, постельные принадлежности за любую еду. Нелегальная торговая деятельность горожан позволяла выживать многим в сложнейшей ситуации дефицита товаров первой необходимости. Сходная ситуация сложилась не только в Магнитогорске, но и в иных городах Советского Союза⁴.

¹ Воспоминания Чесноковой А. И., 1924 г. р., записано автором в 2008 г.

² Герцензон А. А. Уголовное право. Особенная часть. М, 1938. С. 97–108.

³ Kotkin S. Magnetic mountain... P. 536.

⁴ Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 56.

Хорошим подспорьем для многих магнитогорцев были приусадебные участки. Еще до официального разрешения заключать шефские договоры предприятий с колхозами, магнитогорцы самостоятельно и в индивидуальном порядке начали организовывать для себя «приусадебные участки». Огороды преимущественно разбивали рядом с землянками или перед окном комнаты в бараке. По площади огороды были не более полутора – двух соток, но выращивали на них магнитогорцы картофель, репу, редьку, морковь, лук практически на весь год. Жители общих барачков не имели, однако, возможности разбить огород. Респондент А. И. Чеснокова рассказывала о том, как жена артиста Панаева приходила к ним домой выменивать картошку за ситец, так как жили они с мужем на втором этаже каркасного дома и огород разбить не могли¹. Большинство магнитогорцев захватывали землю самовольно, пытались использовать любые участки свободной земли. Однако огородничество сопровождалось массой проблем: огороды довольно часто оказывались на территории строительства какого-либо объекта и их уничтожали, не было сельскохозяйственного инвентаря, поливочной воды, а урожай часто «помогали» собирать соседи.

Огороды оказывали существенную роль в продовольственном самоснабжении магнитогорцев, поэтому горожане начали создавать огородные артели. Участниками последних преимущественно становились главы больших семей. Инициатива создания артелей принадлежала горсовету Магнитогорска, однако, отсутствие фактической организационной работы и правовой базы деятельности артельщиков существенных результатов не дали².

В условиях активности населения в деле создания огородов горсовет принял решение о наделении горожан земельными участками. В течение 1934 г. на законных основаниях на правом берегу реки Урал между магнитогорцами было распределено 650 га земли, в районе аэродрома – 350, у поселка Первомайский – 180, в районе 14-го участка и поселка Среднеуральский, станции Магнитогорск – по 100, на территории площадки³ – 139 га⁴. Однако не все магнитогорцы были рады территориальному принципу распределению земли. Возникли многочисленные конфликты и борьба за участки земли, расположенные на территории города или в непосредственной близости от него.

Дополнительной стратегией приспособления горожан к сложным условиям стало мешочничество. Последнее представляло собой механизм самоснабжения, когда население из города отправлялось в близлежащие деревни

¹ Воспоминания Чесноковой А. И., 1924 г. р., записано автором в 2008 г.

² МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 243. Л. 65.

³ Так называли территорию города в первой половине 1930-х гг.

⁴ *Постановление* Горсовета от 24 февраля 1934 г. // Магнитогорский рабочий. 1934. 26 февраля, 17 апреля. (К сожалению, в постановлении нет сведений о нормах распределения земли).

и села за продуктами¹. Респондент О. В. Быстрова рассказывала, что ее «мать в выходные дни иногда отправлялась в деревни, которые были рядом от города, чтобы добыть хлеба или молока. Ходила она туда в основном зимой»². Мешочничество получило широкое распространение в Советском Союзе. Преимущественно оно было характерно для сельских жителей, но в условиях кризиса продовольственного снабжения многие жители городов отправлялись в сельскую местность за продуктами питания.

К 1933–1934 гг. горожане стали строить стайки для коз и кур³. Таким хозяйством обзавелись многие магнитогорцы. Люди, не имевшие возможности держать кур и мелкий рогатый скот, были недовольны, завидовали своим землякам и даже писали жалобные письма в газеты. Местная пресса в ответ публиковала статьи-рекомендации и советы по правильному содержанию животных, советовала всем горожанам заняться разведением коров, чтобы «пить вдоволь молоко». В газете «Магнитогорский комсомолец» сравнивали бюджеты двух семей ударника Калягина и ударника Перчаткина. Первый еле сводил концы с концами, его дети «завтракали в сухоматку, а на обед у них был постный суп, а на второе ничего не было», а семья Перчаткина «утром пьет кофе, забеленный молоком..., в обед на первое у них мясной суп, на второе – каша на молоке, на третье – яичница». Все дело было в том, что «семья Перчаткиных живет лучше, потому что имеет корову»⁴. Подобные статьи призывали всех магнитогорцев улучшать свое материально-бытовое положение и заводить крупный рогатый скот. Некоторые магнитогорцы держали домашнюю птицу там, где жили сами. Так поступали в основном обладатели землянок. В Магнитогорске, как и в других городах Советского Союза, широкое распространение получило кролиководство. Последнее рассматривалось многими как реальная возможность решить проблему нехватки мяса в рационе питания. Так, при многих школах, поликлиниках и цехах ММК были организованы крольчатники. К сожалению, статистические данные по этому вопросу фрагментарны, поэтому показать динамику сложно. Тем не менее, нам удалось установить, что в 1935–1936 уч. г. у 73 % школ города были свои крольчатники⁵. «Магнитогорский пионер» неоднократно призывал организовать крольчатники при всех школах города, а в перспективе каждый отряд учащихся

¹ Мешочничество было широко распространено в изучаемый период. Преимущественно потоки людей в поисках товаров первой необходимости двигались из деревни в город, однако, месный маестриал позволяет говорить и об обратном процессе, когда магнитогорцы ехали в близлежащие села в поисках мясо-молочной продукции.

² Воспоминания О. В. Быстровой 1927 г. р., записано автором в 2008 г. Аналогичные сюжеты встречаются в других интервью.

³ Воспоминания Чесноковой А. И., 1924 г. р., записано автором в 2008 г.

⁴ *Магнитогорский комсомолец*. 1932. 14 ноября.

⁵ МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 67. Л. 73.

должен был завести собственных кроликов¹. Зимой 1933 г. рекламная кампания кролиководства осуществлялась наиболее интенсивно. Население призывали «немедленно заняться кроликами», уделять «большое внимание кроликам» и т. п.². Не только газеты призывали население активно организовывать крольчатники. Магнитогорский партактив также придавал особое значение развитию в Магнитогорске кролиководства и свиноводства³.

Среди всего многообразия способов выживания необходимо назвать разнообразные махинации с карточками. Самое широкое распространение в Магнитогорске получили так называемые «мертвые души». Это явление возникало в том случае, если рабочий покидал строительство, а с продовольственного снабжения его не снимали еще какое-то время, и кто-нибудь получал товары на его имя. При высокой текучести кадров в Магнитогорске данная практика получила широкое распространение. Американский рабочий Джон Скотт упоминает о лишних карточках во время обеда, однако откуда они взялись, он не уточняет. Скорее всего, такие лишние карточки – результат существования в городе «мертвых душ». Однако лишние карточки были не только следствием высокой текучести кадров. Стремление людей питаться лучше порождало разного рода махинации, в результате которых магнитогорцы, не имеющие основания получать ударные карточки, питались по ним, а ударникам их довольно часто не выдавали. Так, секретарь сметного отдела управления комбината Прохорова в течение лета 1934 г. получала лишние продуктовые карточки за счет «мертвых душ», а в сентябре она достала карточку усиленного питания в столовую № 23⁴. Сотрудники паросилового цеха в течение 1934 г. ни разу не получили ударных карточек. Последними пользовались ответственные исполнители по заборным документам Тимофеев, Сапрыкина, Дмитриева, Пугачева⁵. В этой ситуации местные газеты призывали бережнее относиться к каждой продуктовой карточке⁶. Результаты проверки, проведенной 4 июля 1934 г. в городе, оказались следующие: «в магазине № 17 оказались неверные весы...», «В магазине № 20 установлены случаи обвешивания хлебом продавцом Вильямской на 18, 10, 15 граммов...»⁷. «Заведующий отделом готового платья магазина № 1 Осокин Николай раздает дефицитный товар своим знакомым, давая им ордера, по которым уже отпускали тот или иной товар, для того, чтобы публика видела, что выдают

¹ *Магнитогорский пионер*. 1933. 10 февраля.

² *Магнитогорский пионер*. 1933. 11, 14 февраля.

³ *Объединенный государственный архив* Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 76. Л. 138.

⁴ *Магнитогорский рабочий*. 1934. 26 сентября.

⁵ *Магнитогорский рабочий*. 1934. 8 октября.

⁶ *Магнитогорский рабочий*. 1933. 10 января.

⁷ МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 14. Л. 68.

по ордеру...»¹. Несмотря на постоянные жалобы горожан и многочисленные нарушения в сфере торговли, а также попытки устранить подобные негативные явления, ситуация не менялась. Обвешивания, увеличение цены товара, торговля для «своих» сохранялись в Магнитогорске на протяжении всей первой половины 1930-х гг. Уже после отмены карточек в 1936 г. положение сравнительно улучшилось.

Мелкое бытовое воровство также можно рассматривать как попытки горожан выжить в сложных условиях. Архивные данные свидетельствуют о том, что в Магнитогорске «тащили все, что плохо лежит»². Одна из первых учительниц города А. А. Симакова вспоминала о том, что ночью в бараке вновь приехавшие вынуждены были дежурить по очереди, опасаясь не только хулиганов, но и воров: «ночью дежурили по два человека, в основном мальчики с воспитателем – мужчиной...»³. В Магнитогорске воровали буквально все – стройматериалы для отопления жилища, тарелки и ложки из столовых, обувь и одежду из раздевалок и т. д. Настоящим бедствием стала кража ложек из общественных столовых. Данная проблема неоднократно поднималась на страницах местных газет: «В столовой ремонтного завода ежедневно скопляются огромные очереди за ложками. Ложка здесь сугубо дефицитный предмет. Чтобы не сделать прогула, я был вынужден уйти из столовой в цех и сам наспех сделать примитивную ложку. Моей ложкой в столовой воспользовались 6 рабочих. Из-за ложек здесь ежедневно происходят скандалы...»⁴. Бытовое воровство многие жители города даже не считали преступлением. Респондент А. И. Чеснокова, приехавшая в Магнитогорск с родителями в 1934 г. в возрасте десяти лет, утверждает, что в городе не было воровства до начала войны. Однако, рассказывая о строительстве землянки, в которой их семья проживала долгое время, она замечает, что «папа с зятем ночью ходили на ДОК и приносили доски, которыми крыли крышу, настилали полы... Мама с сестрой собирали кокс и дрова... У Лены украли карточки. Она пошла в магазин с ними, а там их не оказалось...»⁵. Иначе как воровством такие действия назвать нельзя. Все респонденты отмечают, что воровали кур, одежду, сушившуюся на улице, а у семьи респондента В. Т. Лобочевой украли кормилицу – козу⁶.

Бытовые кражи совершались преимущественно людьми, ранее не занимавшимися воровством. Это, с одной стороны, подтверждается тем, что сроки заключения у большинства осужденных в Магнитогорске были небольшие, преимущественно от 6 месяцев до 1 года⁷, с другой стороны, статистическими данными. Так,

¹ ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

² МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 14. Л. 4.

³ Симакова А. А. Встреча с юностью // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. Л. 4.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1934. 5 января.

⁵ Воспоминания А. И. Чесноковой, 1924 г. р., записано автором в 2008 г.

⁶ Воспоминания Лобачевой В. Т., 1937 г. р., записано автором в 2008 г.

⁷ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 151.

в 1933 г. рецидивисты составляли 5,6 % заключенных магнитогорской колонии¹. Недоедание и недостаточность предметов первой необходимости в быту вынуждали горожан идти на преступления. Эти же причины подталкивали часто к спекуляции продуктами питания или одеждой. Кража дров в зимний период была наиболее распространенным типом воровства. Даже в бараке для сотрудников ГорОНО неоднократно исчезали вязанки дров². Еще одним видом воровства в Магнитогорске была кража строительных материалов. Директора школ в целях форсирования ремонта школьных помещений или возведения зданий для учебных занятий, охраняли вагоны с лесом, краской, мебелью, предназначенные для их школы, а учащиеся с родителями даже «выследили» пропавший вагон с красителями для ГорОНО³.

Таким образом, в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов преимущества в снабжении имели инженерно-технические работники и индустриальные рабочие (кадровые), далее шли неиндустриальные рабочие, служащие и иждивенцы. Дети составляли особую группу, снабжение которой всецело зависело от места работы их родителей. Несомненно, реальные различия в снабжении групп населения были ничтожны, но в голодные годы первой пятилетки они были весьма существенными. Кроме того, как отмечает Е. А. Осокина, государственная политика создавала стратификацию в сфере полуголодного питания. Проблема латентного голода сопровождала магнитогорцев на протяжении всего изучаемого периода. Это положение в целом соответствовало ситуации в стране, но в значительной степени усугублялось социально-бытовой обстановкой в городе-новостройке. Форсированная модернизация, развернувшаяся в Советском Союзе, оказывала определяющее воздействие на жизнь населения страны и заставляла людей искать способы приспособления к окружающей действительности. В Магнитогорске распространение получили следующие стратегии выживания: жесткая экономия, мелкое воровство, мешочничество, огородничество и махинации с карточками. Эти способы адаптации были крайне трудоемкими и требовали огромных сил, но помогали выжить в условиях повседневной жизни Магнитогорска первой половины 1930-х гг.

¹ Более подробно об этом см.: Макарова Н. Н. Социальные аспекты индустриализации: девиантное поведение и «стратегии выживания» советских горожан в экстремальном условиях. 1929–1935 гг. (по материалам Магнитогорска) // Экономическая история. Ежегодник. 2009. М., 2009. С. 270–299.

² МУ МГА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

³ Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 92.